

Лит. Россия 1988 20 мая

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОМИ

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

«ВИНА»

доктора Никитина

В огромном эпистолярном наследии Толстого есть небольшое письмо, посланное им 15 января 1906 года из Ясной Поляны в Звенигород своему первому домашнему врачу Д. В. Никитину: «Спасибо, что написали, милый Дмитрий Васильевич. Хотя и мы знали по газетам все, что делалось в Звенигороде, рады были вашему письму. Вы сами говорите, что нехорошо сердиться, особенно на намень, который упал на голову. А нехорошо, главное, потому, что ваше даже танок короткое пребывание в тюрьме, я уверен, оставит добрый след в вашей душе. У нас все по-старому. Все вас помнят и любят. Л. Толстой».

Предыстория этого письма такова. Окончив в 1897 году медицинский факультет Московского университета, а затем ординатуру в клинике А. А. Остроумова, Дмитрий Васильевич в марте 1902 года был приглашен домашним врачом к Толстому и пробыл в этой должности до сентября 1904 года. Кроме врачебного наблюдения за Львом Николаевичем и его родными, он исполнял некоторые секретарские дела, принимал участие в переписке рукописей Толстого, хлопотал о постройке больницы в Ясной Поляне, бесплатно принимал больных из окрестных деревень. Для этого при содействии семьи Толстого у яснополянского крестьянина К. М. Орехова была снята комната и оборудована всем необходимым.

Об этой инициативе Д. В. Никитина исправник Крапивенского уезда донес в канцелярию тульского губернатора. Правительство же канцелярии Ф. Мейер 29 октября 1902 года секретно уведомил об этом Врачебное отделение губернского правления, констатируя, что «местные крестьяне, ввиду дальнего расстояния их местожительства от земского врачебного пункта, охотно являются за медицинской помощью к доктору Никитину, и лечившиеся у него отзываются о нем с полной благодарностью». Тем не менее Врачебное отделение выразило неудовольствие и потребовало, чтобы Никитин, представлял уездному земскому врачу карты больных, которых он принимает и лечит, и ежемесячно отчитывался перед ним. Переписка Врачебного отделения с уездным врачом и исправником о деятельности Никитина продолжалась до марта 1903 года. Осенью того же года Никитин отправился на усовершенствование в парижские клиники Видаля и Шюффара.

Вернувшись 13 февраля 1904 года в Ясную Поляну, Дмитрий Васильевич стал подписывать себе место с большим объемом врачебной работы. Он мечтал устроиться в Тульскую земскую больницу, чтобы остаться ближе к «светлому, ясному источнику духовных исцелений», как он величал Толстого, но это ему не удалось. Тульская полиция, под негласным надзором которой он находился, сделала все, чтобы не допустить его в Тулу и удалить от Толстого. Ему пришлось вступить в должность старшего врача Звенигородской больницы, где за двадцать лет до него короткое время трудился А. П. Чехов. Отсюда он, несмотря на большую занятость всякими делами, «при каждом заболевании отца, — как вспоминал старший сын Толстого, Сергей Львович, называя его другом семьи, — с готовностью приезжал в Ясную Поляну... Он лечил отца и в предсмертной его болезни» — в Астапово.

Испытывая на себе огромное влияние Толстого, преклоняясь перед гениальным писателем, Никитин вместе с тем не стал ортодоксальным последователем его религиозно-философского учения. По своим общественно-политическим взглядам он принадлежал к той части демократически настроенной русской интеллигенции, которая не отвергала революционного свержения самодержавия (Дмитрий Васильевич восторженно встретил Февральскую революцию

Л. Н. ТОЛСТОЙ и его домашний врач Д. В. НИКИТИН. Гаспра. Май 1902 г.

Фото Софьи Андреевны ТОЛСТОЙ

1917 года). Взгляды эти проявились у него в студенческие годы, укрепились после общения с С. Г. Петровым (Скитальцем), С. Я. Елпатьевским, А. М. Горьким и другими прогрессивными деятелями.

События 1905 года вызвали в нем резкое осуждение самодержавного произвола.

К Толстому Никитин съездил в марте, затем 27 декабря 1905 года, и вот что из этого вышло. «По приезде в Звенигород, — сообщал он писателю 7 января 1906 года, — я той же ночью был арестован после предварительного обыска в моем кабинете. В 2 часа ночи меня отвели в наш уездный острог и заключили в одной камере с четырьмя другими арестованными: ветеринарным врачом, страховым агентом, студентом и крестьянином. Камера была тесная (8 шагов в длину и столько же в ширину) и чрезвычайно грязная — с клопами, тараканами и блохами... Меня, по счастью, держали в заключении только двое суток и на Новый год выпустили, не объяснивши причин ареста и моей вины... И все это издевательство — унижительные обыски и лишение свободы — произведены неизвестно почему, должно быть, только потому, что не было удержу властям, одержавшим победу над революционерами и начавшим сводить счеты с мирными людьми».

Я прошу у Вас, дорогой Лев Николаевич, прощения за невольное раздражение, вызванное в этих строках против правительства, но я еще никак не могу отделаться от этого нехорошего чувства...

Будучи в тюрьме, я вспоминал часто Ваши слова, что к

заклЮчению надо так же относиться, как к внезапной болезни и удару молнии. Это меня очень утешало, а теперь оно очень трогает доброе отношение людей — моих бывших пациентов, особенно из крестьян, которых тюремное мое заключение не только от меня не оттолкнуло, но заставило меня увидеть их хорошее ко мне отношение.

Простите, дорогой Лев Николаевич, что я написал Вам не сразу, по освобождении — я очень чувствовал себя нехорошо физически...

Любящий Вас Д. Никитин». Вот на это-то письмо и ответил без промедления Толстой. А главная «вина» Никитина, послужившая причиной унижительного обыска и ареста, была в его близости к «краснольному» писателю. Многие из окружения Л. Н. Толстого в период первой русской революции подвергались политической слежке и репрессиям. Не избежал этой участи и его домашний врач.

Григорий КУЛИЖНИКОВ